

УДК 882.09

Правовой карнавал.

Образ сотрудника правоохранительных органов в современном российском криминальном романе

Д. О. Тимошкин

*Лаборатория исторической и политической демографии
Иркутского государственного университета, г. Иркутск*

Аннотация. Статья посвящена анализу динамики трансформации массовых представлений об органах исполнительной власти в Российской Федерации, отраженных в литературных произведениях российских авторов, издаваемых в РФ наибольшими тиражами в период 1999–2013 гг., по данным Федерального агентства печати и массовых коммуникаций РФ. Криминальный роман рассматривается как источник для обнаружения и исследования «фоновое знание» – массовых представлений о норме, законе, стране и друг друге, которые воспринимаются как неотъемлемая часть повседневности. Ориентированность источника на максимально широкую аудиторию позволяет говорить о том, что в криминальном романе отражаются (и конструируются) упрощенные и обобщенные групповые представления о реальности, которые затем воспринимаются непосредственным потребителем как истина лишь в силу их принадлежности к группе, в рамках которой эти стереотипы распространены. Предположительно криминальный роман оказывает немалое воздействие на аудиторию, способствуя распространению и формированию тех или иных представлений о социальной реальности, что делает его перспективным источником для изучения распространенных на территории РФ социальных стереотипов. Исполнительная власть становится наиболее широкой сферой, в рамках которой происходит диалог общества и государственной власти, стремящейся регламентировать общественную жизнь с помощью нормативных актов. В ситуациях, когда государство устраняется от регламентирования социального пространства, эту функцию могут взять на себя любые группы или структуры, обладающие силовым ресурсом, в том числе и органы исполнительной власти. Анализ представлений о силовых структурах, отраженных на страницах самого популярного на протяжении рассматриваемого периода литературного жанра, позволит определить, какую роль постсоветское общество, переживающее глубокую трансформацию, отводило агентам государственной власти на протяжении нескольких временных отрезков, и изменились ли эти представления за рассмотренный период. Таким образом, целью статьи становится описание представлений о государстве в реальности текстов современного российского криминального романа, выраженных через образы правоохранительной структуры, ее сотрудников, а также о понятии закона, служба которому, как следует из эпитафии, является девизом МВД. Помимо этого, специфика источника позволяет сравнивать представления о законе и власти как внутри, так и вне корпорации МВД – некоторые авторы имеют многолетний опыт работы в силовых структурах.

Ключевые слова: современный российский криминальный роман, социальный стереотип, МВД, закон, преступление.

«Служим Родине, служим Закону!»

Девиз МВД РФ

Выбор источника для изучения проблемы обусловлен, в первую очередь, общим для гуманитарных наук повышением интереса к языку как к инструменту конструирования социальной реальности. Язык понимается как система символов, обозначающих социальное пространство, инструмент формирования групповой идентичности, с помощью которого человек позиционирует себя в окружающем мире. Параллельно со значением слов в процессе взросления человек усваивает и структуру, и систему ценностей социальной группы, в которой он воспитывается. Часть этой информации не подвергается сомнению в силу принадлежности человека к группе, которая считает ее объективной. В то же время эти значения могут меняться в зависимости, например, от смены групповой идентичности, социальных ценностей или структуры. Таким образом, человек находится в постоянном диалоге с социальным пространством, сопоставляя свой уникальный жизненный опыт с опытом группы. Язык, на котором этот диалог ведется, значения, закрепленные за различными словами, отражают социальную структуру его носителей [20]. Зафиксированным во времени эпизодом этого диалога и становится текст.

Воспроизводя в тексте окружающую их реальность, авторы воспроизводят групповые ценности и стереотипы, считая их частью повседневности или же подчеркивая уникальность группы. В этом контексте массовая литература в целом, и криминальный роман в частности, представляются не просто доступным, но и весьма перспективным источником для изучения распространенных в постсоветской России стереотипов и мифов. Прежде всего в силу их предполагаемого колоссального воздействия на читательскую аудиторию и, одновременно, не меньшего воздействия самой аудитории на текст. Ведь криминальный роман является неизменным лидером российского книжного рынка по тиражам последнего десятилетия [6; 7; 16; 17]. Его массовость – результат ориентации авторов на людей самых разных образовательных и социальных статусов, однако они вносят в текст собственные представления, коммерческую и политическую рекламу.

Постсоветский кризис идентичности, гигантские перемены во всех сферах общественной жизни требовали осмысления, что отражалось в литературном направлении, ориентированном на отображение повседневности. Об отношении российского читателя к массовой литературе, сегментом которой является криминальный роман, как к путеводителю по повседневности не раз писали исследователи [19]. Криминальный роман является отличным источником для обнаружения и исследования «фонового знания» – массовых представлений о норме, законе, стране и друг друге, которые воспринимаются как неотъемлемая часть повседневности. Именно поэтому его использование в качестве источника для исследования распространенных в обществе представлений о действительности может стать основой для создания своеобразной карты современной российской мифологии, которая во многом определяет поведенческие установки наших сограждан, их страхи и надежды.

Непосредственный объект исследования – массовые представления о силовых структурах. Он интересен в силу исторического контекста, в рамках

которого создавались наши источники. В условиях кризиса идентичности в постсоветской России, когда государство практически утратило контроль над социальной сферой, эту роль смогла взять на себя практически любая группа, обладающая силовым ресурсом [3], в том числе и государственные силовые структуры. Изучение образов, представленных в криминальном романе, позволит определить, какую роль в процессе конструирования социальной реальности массовое сознание отводило силовым структурам, как оно представляло себе саму структуру, его функции, в каком образе предстают перед читателями «обычный» милиционер-полицейский, следователь, прокуроры и адвокаты. Криминальный роман стал сценой, с которой различные социальные группы смогли высказать свое понимание закона и государства как его гаранта, выраженного через образы правоохранительной структуры и ее сотрудников. Таким образом, целью статьи становится описание представлений о государстве современном российском криминальном романе, выраженных через образы правоохранительной структуры, ее сотрудников, а также – о понятии закона, служба которому, как следует из эпиграфа, является девизом МВД.

В качестве источников были выбраны 20 бестселлеров на книжном рынке Москвы в 1998, 2006 и 2012 гг. (по данным Росбизнесконсалтинга [16; 17] и газеты «Книжное обозрение» [7]), чьи авторы входят в число лидеров по тиражам в Российской Федерации.

Наиболее подходящим методом для решения поставленной задачи, учитывая специфику источника, мы считаем дискурс-анализ текста [5]. В замечательной книге М. Йоргенсена и Л. Филлипса приводится следующее определение дискурса: «Способ общения и понимания окружающего мира, существующий в той или иной системе коммуникации» [5]. Оно задает область применения метода – социологический анализ коммуникативных систем, к примеру того же самого текста. Сам текст понимается при этом как фиксированный момент процесса борьбы различных способов понимания одного и того же знака или слова, каждый из таких способов стремится вытеснить альтернативные ему способы понимания за пределы артикуляции. При этом сам по себе знак не имеет никакого смысла, значение ему придают слова, складывающиеся в цепочки эквивалентности. В нашем случае такими знаками становятся, по сути, «правоохранительные структуры» и «закон». В тексте криминального романа авторы предлагают различные и порой противоречивые трактовки представлений о, пожалуй, самой широкой сфере, в которой происходит диалог человека и государства, – деятельности органов исполнительной власти. Выделение из текста различных интерпретаций этой ключевой точки, выявление ее противоречивых значений позволят определить место и роль правоохранительных структур в системе представлений о мире постсоветского россиянина.

«Я смею все, что угодно, – сказала она. – Потому что я – следователь» [11]

МВД присутствует во всех рассмотренных источниках, преимущественно ассоциируясь с конкретными персонажами, его сотрудниками. Представления о них можно условно объединить в несколько групп в зависимости от функций, которыми их наделяют авторы. Единичные исключения мы оставляем за рамками анализа.

Самая многочисленная группа – сотрудники МВД – главные положительные персонажи. Это борцы за «справедливость», под которой понимается необходимость любой ценой наказать того, кого МВД сочтет преступником. Преобладают такие герои у авторов, имеющих непосредственное отношение к структурам министерства. Типичны в этом смысле образы, которые встречаются в четырех книгах Александры Марининой и Андрея Кивинова, по версии газеты «Книжное обозрение» вошедших в список из 15 бестселлеров крупных московских книжных магазинов 1998 г.

Главными положительными героями серии «Убойный отдел» Андрея Кивинова становятся оперативные сотрудники территориального отдела МВД по раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений. Книгу «Высокое напряжение» автор снабдил эпиграфом: «Посвящается Олегу, Володе, Леше, а также всем остальным, благодаря которым наше светлое общество не погрузилось окончательно во мрак...» [8]. Персонажи – энтузиасты, исполняющие служебный долг вопреки массе бытовых и организационных проблем в своей системе. На первом месте в большом списке проблем стоит скудное материальное оснащение – оперативники работают в помещении бывшего вытрезвителя, в грязи и тесноте. Это заставляет одного из героев-оперативников организовать платный футбольный матч между милиционерами и местными преступниками для того, чтобы купить в отделение компьютер. Никто из преступников, даже находящихся в розыске, не был задержан, так как организаторы «были людьми чести» [8].

Острый дефицит кадров. «...Общий бич как прокуратуры, так и милиции и служил главным аргументом при объяснении причин неэффективности своего труда... Сейчас в прокуратуре осталось всего три следователя, вместо положенных по штату двенадцати, одним из которых был стажер без высшего образования, вторым – парнишка, едва закончивший университет» [8].

Конфликты с прокуратурой по причине того, что следователи, вопреки «здравому смыслу» оперативных сотрудников, соблюдают все формальные процедуры и «закон». Это создает сложности «операм», уверенным, что для заключения человека под стражу вполне достаточно голословного утверждения, основанного на «богатом опыте работы». «...*Ладно выпустить на свободу до суда мужичка, нечаянно уронившему банку с огурцами на голову любимой жены, но Голубева-то куда?»* [12]. Соглашаясь, следователь говорит о страхе незаконно заключить человека под стражу, о том, что подозреваемый, «к сожалению», может защищаться от обвинения. Герой-оперативник заставляет сокамерника подозреваемого написать ложный донос о том, что сосед якобы обещал убить следователя после выхода на свободу. Следователь оставляет подозреваемого под стражей. «Опера» довольны: «*Мужики, Иголкин-то за ум взялся. Голубя закрыл. Интересно, это с ним надолго или так, единственный случай? И не давил на него никто. А вдруг он теперь всех арестовывать будет?.. Арестовал – молодец. Всегда бы так*» [8].

Герои Кивинова применяют насилие при выполнении служебных обязанностей и считают это абсолютно оправданным. В одной из его книг, в одиннадцати из пятнадцати эпизодов общения «опера» с подозреваемыми и

свидетелями они либо угрожают расправой, либо применяют насилие. Исключение они делают при беседе с пожилой матерью убитого подростка, с двенадцатилетним беспризорным и с подозреваемым в убийстве, сразу подписавшим «признательные показания». В четвертом эпизоде герои беседуют со свидетелем – пожилым хозяином квартиры, где произошло убийство. Когда тот отказывался давать показания, опасаясь за свою жизнь, ему угрожали *«вместе придумать статью», «дать фиников, чтобы освежить память»*.

Участь подозреваемых еще печальнее. Одного из них герои обманом вынудили открыть дверь в жилище, затем *«Вовчик по-футбольному подпрыгнул и с криком “Проверка паспортного режима!!!” въехал головой в грудь застывшего в проеме...»* [8]. Тот даже не пытался оказать сопротивление. Когда выяснилось, что он не имеет никакого отношения к делу, на него «в интересах следствия» был составлен ложный рапорт об оказании сопротивления при задержании, чтобы задержать в КПЗ на две недели.

Задержав без единой улики ветерана по подозрению в совершении развратных действий в отношении несовершеннолетнего, ему угрожают: *«Дядя, не зли лучше. На “финик” нарвешься... Вот тут твое место, помойка, – констатировал Паша. – Что, с сердечком нелады? Меньше за пацанами бегать надо»*. Выяснив, что доказать его вину не удастся, решают: *«Придется этому му***е навтыкать да выкинуть. Даже на “сутки” посадить не сможем – инвалид»* [8]. Преступление, которое легло в основу сюжета, оперативники раскрыли исключительно благодаря насилию: место нахождения товарищей раскрыл один из обвиняемых, не выдержав побоев. Прогрессу в расследовании дела герои обязаны исключительно личным знакомствам, в том числе и в криминальных кругах. На главного подозреваемого указывает его приятель, отсидевший за ограбление и убийство. В обмен на эту информацию оперативник обещает освободить его от административной ответственности за пьяную драку.

Немного иначе выглядят герои книги Александры Марининой «Я умер вчера». Сотрудница московского уголовного розыска и дама – следователь прокуратуры работают над несколькими, на первый взгляд, не связанными между собою убийствами. Как и у героев Андрея Кивинова, поимка и наказание преступников – основная цель и одновременно мотивация, но методы работы отличаются. Они не прибегают к насилию, основное их оружие – «психология», интуиция и энтузиазм. Лишь изредка они прибегают к шантажу. Отличается и основной источник информации, которая позволяет им раскрывать преступления – «чутье» и счастливые случайности, в противовес «связям» в предыдущем источнике. Мотив расследуемого преступления одной из героинь привиделся во сне: *«На другой день она проснулась со странным ощущением. Она совершенно не помнила, чтобы ей что-то снилось, но чувство было такое... Даже и не выразить словами. Вот иногда пишут: “Ей было видение”»* [11]. «Чувства» героев становятся синонимом их профессиональной квалификации, причем не только при работе со свидетелями и подозреваемыми. В одном из эпизодов «знакомый генерал» просит героиню, старшего оперуполномоченного, оценить уровень профессионализма извест-

ного практикующего психолога, который проходил у нее по делу в качестве подозреваемого, для того чтобы определить его соответствие вакансии во вновь открывшемся элитном аналитическом отделе МВД.

Как и в этих романах 1998 г., образы «борцов за справедливость» представлены и в бестселлерах 2006 г. Но здесь можно наблюдать некоторую трансформацию образа «правоохранителя». В расследование преступлений включаются теперь герои-«штатские», считающие, что обращаться за помощью и защитой в МВД бессмысленно и даже порой опасно. В отличие от героев-«ментов», ими движет не желание наказать преступника, а необходимость защищать свои интересы или интересы родных и близких. За дело берутся уже домохозяйки, бизнесмены, известные писательницы и частные детективы, причем они встречаются чаще, чем сотрудники министерства. Но последние обычно предстают в роли безусловно положительных персонажей.

В «Чувстве льда» А. Марининой [12] расследованием убийства занимаются следователь прокуратуры, оперативник уголовного розыска и сотрудник службы охраны издательства, бывший «сотрудник». Основным их рабочим инструментом также становится интуиция. Заметно возрастает роль «связей» между «штатскими» персонажами и сотрудниками правоохранительных органов. Подозревая брата крупного книгоиздателя, герой-оперативник стремится форсировать расследование, опасаясь, что родственники *«задействуют свои связи»* в МВД и выведут подозреваемого из поля зрения следствия. Ранее они так спасли его от обвинения в изнасиловании. Узнав, что в службе безопасности фирмы работает бывший сотрудник уголовного розыска, оперативник обрадовался: *«Нам очень повезло, наш человек работает в стане врага»* [12].

«Наш человек» становится основным источником информации, его слов оказалось достаточно, чтобы одного из героев считать «подозреваемым». Доверием пользуется даже та информация, которую знакомые сотрудники МВД *«нарыли где-то в интернете»*. Это приводит к незаконному аресту не имеющих отношения к преступлению людей, что, однако, не ставит под сомнение точку зрения сотрудника МВД. И здесь серьезным основанием для выводов о виновности или невиновности того или иного персонажа становятся *«жизненный опыт»* и *«чутье»* милиционеров. Анализируя показания свидетелей, следователь исходит из своих представлений о том, какие профессиональные группы *«у нас в стране»* говорят правду, а какие – нет. Читая показания свидетеля, обнаружившего труп, следователь думает: *«Знаем мы эти обнаруженные трупы, навиделись. Сначала убивают, а потом рассказывают»* [12]. Определив круг подозреваемых, следователь не сомневается, что один из них является преступником: *«У меня двое подозреваемых: вы и ваш брат. Вы же не хотите, чтобы я его взял под стражу, если вы точно знаете, что он невиновен, правда? Других подозреваемых у меня нет. Так что получается (убили), или вы – или он»*. Ему абсолютно все равно, кто на самом деле является преступником: *«Ему очень хотелось в отпуск и очень хотелось выдать из Андрея признание. Пусть липовое, пусть будет самоговор, но это же выяснится только потом, когда он уедет...»* [12]. В одном из эпизодов следователь, пользуясь дружбой с прокурором, думает «за-

крыть» обоих подозреваемых по делу, не устанавливая, кто из них действительно совершил преступление.

В «Отеле последней надежды» [8] Татьяна Устинова создает образ «борцов за справедливость». Возникает впечатление, что автор поставила себе целью развенчать негативные стереотипы о российских милиционерах. Герой книги, майор уголовного розыска, из раза в раз оказывается лучше, чем о нем думают окружающие. Помимо необходимости наказания преступника, у него есть и другие мотивы, которые не наблюдаются во всех ранее рассмотренных произведениях: это и «честь мундира», и представление о том, что пострадавший в преступлении «тоже человек». Он решает защитить находящуюся в опасности свидетельницу, продолжив бесперспективное дело, так как она ему «понравилась». Свидетельница с удивлением узнает, что милиционер учился в Сорбонне и живет в загородном доме стоимостью в несколько миллионов долларов: *«Милиционер, владеющий таким особняком, врет самым фактом своего существования»*. Однако не врет. Дом подарили ему родители и чуть ли не насильно заставили в нем жить. Второй свидетель убийства – подросток, боится сообщать об убийстве в милицию: *«Какие менты, дура?! Сама небось, приезжая, труп нашла и хочешь в ментуру звонить! Да загребут они тебя, даже разбираться не станут, ты его замочила или не ты...»* [19]. И это утверждение оказалось ложным, милиция не стала арестовывать свидетелей и смогла обеспечить им защиту. И здесь неформальные связи как внутри, так и вне МВД позволяют герою с выгодой для себя закончить дело.

«Какие у меня могут быть неприятности, если подполковник Никоненко дружит с Пашей Степановым, а Паша дружит со мной?» [20]

Следующую группу образов можно условно обозначить как «знакомые-помощники» в органах. В нее входят второстепенные персонажи, сотрудники правоохранительных структур, помогающие главному герою-«штатскому» расследовать преступление. Помощь может заключаться в профессиональном совете, содействии неофициальному расследованию, смягчении условий содержания под стражей, предоставлении доступа к уникальной информации – базам телефонных номеров, досье на тех или иных интересующих героев персонажей. В большинстве случаев «знакомый в органах» появляется, когда герой осознает невозможность или нецелесообразность обращения в МВД по официальным каналам. Иногда такая ситуация существует априори, о ней особо не распространяются, это считается совершенно очевидным. В то же время форс-мажорная ситуация, требующая вмешательства силовиков, возникает довольно часто. Впервые образ «мента»-помощника встречается в бестселлерах 2006 г. Еще одно отличие образа «сотрудника» 2006 г. от более ранних вариаций в том, что негативных героев среди них не встречается вовсе.

Впрочем, и в 2006 г. пострадавшие или свидетели преступления не обращаются в милицию, уверенные, что их дело либо не примут, либо халатно отнесутся к его расследованию. Но сотрудники полиции представляются крайне полезными на случай, когда за их услугами обращаются по неофици-

альным каналам. Так, в «Гении пустого места» Татьяны Устиновой милиция не смогла установить истинного преступника, удовлетворившись наиболее очевидной, хотя и противоречивой, версией произошедшего: *«Главное – поскорее закрыть дело»*. За расследование берется друг обвиняемого. Обнаружив улики, которые подтверждали его невиновность, герой не заявляет о них в милицию, опасаясь, что там доказательства проигнорируют, а его сделают соучастником, чтобы не разрушать уже имеющуюся картину преступления.

Однако недоверие к МВД не мешает сыщику-любителю обратиться за помощью к своему старому товарищу, полковнику милиции. Тот обещает содействие, гарантирует, что обвиняемого *«не будут сильно прессовать»* во время следствия, а также дает несколько советов, основанных на *«жизненном опыте»*. Они и помогли установить истинного преступника. Сводились они к тому, что злодея необходимо *«всегда»* искать в ближайшем окружении пострадавшего. Полковник сослался на собственный опыт: как-то к нему обратился знакомый, у которого похитили драгоценные камни, при этом убили личных охранников. Виновными оказались родственники банкира. *«Доказательств для суда у меня не было никаких – ни отпечатков, ни оружия, ничего. Ну, я и сказал ему, чтобы дальше он сам разбирался... Банкир нашел и друга, и Вселенную (жену), и камушки. Ну, и наказал виновных. А мы на это глаза закрыли»* [20]. Действительно, преступник обнаружился в ближайшем окружении сыщика-любителя. И его, с согласия *«знакового полковника»*, герой не сдает в милицию, а привлекает к наказанию своих знакомых из службы безопасности крупной коммерческой организации.

«Помощники» представлены и в «Чувстве льда» Александры Марининой. Попадая в неприятности, героини книги пользуются услугами знакомых *«бывших сотрудников»*, у которых *«сохранились связи в органах»*. При их содействии начальник службы безопасности крупного московского издательства защищает интересы своих авторов. *«Ловко, аккуратно и незаметно для постороннего глаза разрешались некоторые личные вопросы автора, например с сыном, попавшим в милицию, или с женой, оказавшейся на крючке у какой-нибудь мошенницы-ясновидящей, или с возникшим из ниоткуда бывшим одноклассником, прослышавшим о доходах автора и теперь осаждающим его просьбами дать денег...»* [12].

Присутствуют полицейские-помощники и в бестселлере 2012 г. Александры Марининой «Бой тигров в долине». Здесь у героя – сотрудника правоохранительных органов, «защитника справедливости», появляется альтер эго, известный адвокат. Адвокат пытается оправдать несправедливо осужденную за убийство женщину, имея на руках неопровержимые доказательства ее невиновности. Однако следователь не принял во внимание показания свидетеля из-за его «татарской» фамилии и имени: *«Ленар по минутам написал, как они с Наташей провели день, но этот Шведов оказался страшным ксенофобом, едва увидев паспорт Ленара и прочтя его имя, сразу сморщился и заявил, что такие гастарбайтеры, как он, никакого доверия у следствия не вызывают. Шведов обозвал его чернозадый лимитчиком и велел заткнуться, а иначе следователь упечат молодого татарина за лжесвидетельство...»* [13]. Неудачей окончились его попытки освободить девушку,

действуя по официальным каналам: *«Его отфутболивали из кабинета в кабинет, потом соизволили сказать, что объяснения надо давать не здесь, а в следственном комитете, это совсем в другом месте. И фамилию следователя назвали... Но все было напрасно. Следователь его выслушала и не поверила ни одному слову»* [13]. Государственный адвокат даже не пытался помочь подзащитной. Дело сдвигается с мертвой точки только после вмешательства известного московского адвоката.

В общем, сотрудники МВД заинтересованы только в том, чтобы обвинить кого-либо, проблема истинного преступника их не волнует. Судьба подозреваемого зависит от настроения, квалификации, опыта работы сотрудника МВД, следователя, прокурора и судьи. И добиться справедливости после этого невозможно. Даже адвокат незаконно задержанной женщины считает: *«Дело тухлое, иначе девчонку не отправили бы в изолятор. А коль отправили, стало быть, у следствия оказалось достаточно аргументов, чтобы убедить суд, то есть очень даже весомых доказательств»* [13]. Адвокат считает крайне маловероятной возможность через суд обжаловать отказ следователя приобщить к делу материалы: *«Судья очень загружен, он ведь не только ходатайства рассматривает, он еще и дела слушает, и множество других функций выполняет в рамках судебного контроля, он не может вникать в каждую бумагу, ему куда проще встать на сторону следствия, потому что следователь наверняка знает дело хорошо, и если он отказал, то не без оснований»* [13]. Только подружившись со следователем, адвокат сумел добиться приобщения к делу сведений, доказывающих невиновность его подзащитной.

Из 1998 г. в бестселлеры 2006 г., а затем и 2012 г. перекочевало представление о милиционере-полицейском как о «детекторе лжи», причем из его арсенала никуда не делись шантаж и угрозы, равно как и совершенно спокойное к ним отношение. При допросе свидетеля оперативнику *«показалось»*, что собеседник ему врет, потому что *«в глазах парня плескалась насмешка»*. Ему хочется избить свидетеля, однако он с сожалением вспоминает, что находится не при исполнении, и решает не делать этого: *«Конечно, если бы Антон занимался работой по конкретному уголовному делу, то так просто он от Дениса не ушел бы. Способы есть, и все они ему отлично известны, во всяком случае, заставить этого молокососа сказать правду он бы сумел... Да и чем Дениса прижмешь? Никакой компры на парня у него нет, деньги он получил законно, бояться и стесняться ему нечего. Бить? Запугивать? Обманывать? Можно, конечно, но где гарантия, что Денис завтра же не побежит в милицию жаловаться на него?»* [13].

«Ничего не могут сделать. Нарыв на теле народа, куча бездельников и лоботрясов» [9]

Отдельную группу составляют негативные образы сотрудников правоохранительных структур. В бестселлерах 1998 г. они преобладают. Характерно, что преобладают они у авторов, не связанных с правоохранительной системой. В «Крючке для пираньи» Александра Бушкова милиция упоминается в десяти коротких эпизодах и никак не влияет на события. Сотрудники мили-

ции, действуя как частные лица, исполняющие заказ, нападают на главного героя и пытаются его скомпрометировать, впрочем, безуспешно. Слабыми и бесполезными сотрудниками правоохранительных органов представлены у Татьяны Поляковой в «Строптивной мишени». Главный герой здесь – член ОПГ. Сотрудники милиции либо опаздывают к месту происшествия, либо предстают слабыми, бесполезными и нерешительными. Героиня, за которой начали охоту представители организованной преступной группировки, предпочла защиту случайно встретившегося ей «бандита» походу в милицию: *«А чего в милицию не идешь? С такой историей только туда и дорога. – Что-то боязно мне в милицию. Не думаю, что они меня грудью закрывать будут. А я уже четыре трупа видела. Если эти типы решили, что я пятая на очереди, вряд ли их милиция остановит»* [15].

Фраза, использованная в качестве подзаголовка, позаимствована из бестселлера Николая Леонова с красноречивым названием «Беспредел» (1998 г.). Милиционеры представлены в трех ипостасях – добросовестных служаков, выполняющих приказы начальства; некомпетентных и потому бесполезных увальней; и дельцов, продающих свои услуги всем, кто сможет за них заплатить. Все «менты» становятся слепыми исполнителями воли органов госбезопасности, которые, в свою очередь, действуют, исходя из своих интересов или интересов покупателей их услуг. Автор связывает «чекистов», работающих на постсоветском пространстве, чувством корпоративной солидарности, которая становится выше любых других интересов и ценностей. «Чекисты», выполняя заказы безымянной «власти», устраивают похищение с целью убийства положительного героя – азербайджанского посла в Лондоне, на место которого *«одна очень влиятельная семья»* [9] хотела поставить своего человека. Сотрудники МВД представляются низовыми исполнителями приказов и распоряжений «власти» и ФСБ. По словам «чекиста», *«для общения с низами есть МВД, милиция. Она помойка по призванию и определению, ее дело чистить сортиры и свалки»* [9]. ФСБ он называет «старшим братом» милиции. «Младшим братом» МВД становятся представители организованных преступных группировок, к чьим услугам обращаются уже милицееское руководство для того, чтобы выполнить исходящие от «чекистов» задачи. Связи становятся основным условием пользования силовым ресурсом и единственным способом ведения расследований. Местонахождение похищенного посла удается определить только после того, как один из генералов МВД задействовал свои приятельские «связи» с ворами в законе в обмен на ответную услугу.

Незавидная роль отводится МВД и в книге Александра Сухова «Я – вор в законе». Перечень преступлений, убийств и ограблений в ней внушительен, однако правоохранительные структуры упоминаются всего лишь несколько раз, как правило, в диалогах между героями-преступниками, упоминающими о негативном отношении к «ментам». Когда главные герои собираются на воровскую сходку, огромный кортеж элитных автомобилей, наполненный уверенными в себе вооруженными людьми, пронесется по Москве на бешеной скорости, заставляя встречных милиционеров, которым «напуганное начальство» отдало строгий приказ никого не задерживать, бросаться в разные стороны, а затем с завистью смотреть на пронесящихся мимо «сильных мира сего».

«Милиция сильна связью с народом»

Представления об МВД как институции не так разнообразны, как о ее сотрудниках. Основной посыл представлений об этой структуре прекрасно иллюстрируется лозунгом с советских плакатов – «Милиция сильна связью с народом», прочитанным наоборот – «народ силен связями с милицией». Министрство представляется незаменимым платным источником легитимного силового ресурса. Бесполезное и даже опасное при формальных контактах, оно оказывается бесценным как «друг» или деловой партнер. Услуги, оказываемые им, могут быть разными – как непосредственно силовое прикрытие, «легитимация» не совсем законных или этически неприемлемых действий, так и обеспечение определенных льгот при контакте с «законом» – смягчение условий содержания под стражей, освобождение от уголовной ответственности за преступления. Обращаются за помощью в МВД, в первую очередь, «бывшие сотрудники», которым сохранившиеся связи очень помогают – найти работу, решать личные затруднения, словом, значительно упрощают жизнь. Членство в корпорации МВД обеспечивает героям-«ментам» абсолютно неограниченные возможности использования ресурсов – организация оперативной слежки за бывшей девушкой одного из персонажей-оперативников для того, чтобы установить, не изменяет ли она ему, преподносится в книге «Отель последней надежды» как нечто совершенно обыденное. За помощью к милиции по неофициальным каналам могут обратиться, в принципе, любые персонажи, криминальные авторитеты, бизнесмены, домохозяйки.

Отчетливое представление об МВД как о ярмарке ресурса представлено у Александра Бушкова в «Крючке для пираньи» (1998 г.). При исполнении непосредственных обязанностей сотрудники МВД предстают беспомощными, бесполезными и даже беззащитными. Во время массовых беспорядков со стрельбой милиция не вмешивалась, «понимая свою малочисленность». Но при исполнении частных заказов милиционеры компетентны, исполнительны и всегда успешно справляются с заданием. К услугам милиции в частном порядке прибегают сотрудники военной разведки, бизнесмены, уголовники. Милиция используется ими не как непосредственный источник силового ресурса, а как источник легитимации собственного насилия. В одной из сцен милиционер присутствует на «разборках» только для того, чтобы в нужный момент предъявить служебное удостоверение, подтвердив тем самым «законность» происходящего. В качестве ресурса, используемого за плату в частных интересах, МВД предстает и в «Беспределе» Николая Леонова. Возможность использования «ментовского» ресурса становится в книге аналогом статуса. Любое преступление, афера или бизнес-проект удаются, только если у инициатора есть «связи» в милиции, что дает силовую поддержку и защиту. МВД становится посредником в политических играх, выполняя заказы сотрудников спецслужб, которые автор называет «старшим братом» милиции.

Представление об МВД как о ярмарке ресурса и «младшем брате ФСБ» сохраняется и в бестселлерах 2006 г. В «Чувстве льда» Александра Маринина рисует ретроспективу «советского прошлого», где главная героиня, не желая

допустить брак своей дочери с диссидентом, обращается к «*знакомому полковнику госбезопасности*» и просит организовать арест неугодного жениха, надавив на милицию. Что тот с успехом выполнил. И в настоящем времени герои книги обращаются за помощью к «*бывшим сотрудникам*», которые через «*сохранившиеся связи*» решают их личные проблемы. Один из главных героев, используя связи в МВД, провоцирует возбуждение уголовного дела против своего брата по ложному обвинению в изнасиловании, затем, с помощью тех же связей, прекращает его, уже когда его брата посадили в тюрьму. Бесплезным и даже опасным (в случае официального контакта) представляется МВД и в бестселлере 2013 г. «Бой тигров в долине», где исход уголовного дела целиком ставится в зависимость от личных отношений участников расследования. «Официальное» МВД – бесполезная и даже опасная для свободы и здоровья своих сограждан организация, превращается в источник не оцененной помощи для членов корпорации и их друзей. Таким образом, основная сфера взаимодействия государства и общества в представлениях авторов криминального романа из «посредника» превратилась в одного из поставщиков силового ресурса, ведущих прибыльный бизнес. Конечно, о «правоохранительных» ее функциях вспоминают очень редко, что неудивительно в условиях отсутствия гаранта этого права.

«В России закона нет» [8]

Понимание закона в текстах объясняет, почему сотрудник МВД предстает в образе незаменимого помощника по решению любых проблем. Само по себе слово «закон» встречается крайне редко и имеет довольно широкий спектр значений – от «закон подлости» до пространных и туманных определений вроде «закон – это высшая математика, помноженная на логику» [8]. Если же понимать закон как «нормативный правовой акт, который принимается представительным (законодательным) органом государственной власти в особом порядке, регулирует определенные общественные отношения и обеспечивается возможностью применения мер государственного принуждения» [14], то «законом» в криминальном романе становятся сами сотрудники МВД. Их желания, подозрения, чувства и страхи становятся основанием для применения насилия.

Сотрудники МВД по своим функциям напоминают священнослужителей средневековой Европы – единственных знатоков языка, на котором написаны священные книги и проводятся богослужения. Как единственные посредники в общении человека с богом, они пользуются практически безграничной властью. В нашем случае таким языком становится «закон», язык, с помощью которого государство общается со своими подданными и на котором написаны «священные книги» государства – конституция и уголовный кодекс. Именно герои-«менты» становятся единственными «переводчиками» с этого официального языка, что дает им возможность произвольного перевода и трактовки этих «книг».

Здесь можно упомянуть целую серию детективов, главным героем которых становится «бывший военный», в вариациях – любой силовик. Ярким представителем этой серии является книга Александра Бушкова «Крючок для пираньи», в которой группа силовиков противостоит коррупции и хаосу в уездном приморском городке. В книге смешались военные, спецназ, МВД и другие «силовики», при этом за незначительными разногласиями персонажей усматривается готовность и способность всегда понять «собрата по власти», придти ему на помощь, ведь цели-то у них одни и те же.

Сами герои не видят в тождестве их мнения и «закона» никаких противоречий. «Опера» из «Убойного отдела» Андрея Кивинова прямо называют себя «властью». И как власть, они видят это тождество вполне естественным. Закон же как нормативный правовой акт, обязательный к исполнению, выглядит здесь как досадная и обременительная формальность, которая мешает им вершить правосудие, основанное на их опыте, восприятии, желании и интуиции. Закон становится необязательным к исполнению, если это противоречит интересам сотрудника МВД.

В книгах Александры Марининой, как за 1998 г., так и 2006 г., несмотря на детальное описание работы следователей и оперативников, слово «закон» практически не упоминается. Когда следователь или оперативник задаются вопросом кого подозревать в совершении преступления, они руководствуются своими эмоциями, опытом и интуицией, ищут источник легитимации своих действий в себе. В бестселлере «Я умер вчера» подчеркивается важность «чутья» в работе следователя. Подозреваемый рассказывает героине-оперативнику: *«Вы знаете, что самое главное в работе психолога, психиатра или психоаналитика? Именно чутье... Существует великое множество методик поиска этого момента, но если есть чутье – это совсем другое дело. Применение методики дает успех в восьмидесяти процентах случаев и требует значительного времени, чутье действует сразу и безошибочно»* [11]. Поскольку героиня тоже признает важность «психологии» в работе оперативника и следователя, можно считать, что монолог про незаменимость чутья относится и к ее профессии тоже.

Полицейский подозревает, что его коллега действует вопреки интересам следствия, отодвигая в сторону значимые факты, и уводит расследование по ложному пути. Он делится подозрениями с другими милиционерами. В ответ ему заявляют, что подозревается толковый и опытный следователь, и *«если он так чувствует, к этому стоит прислушаться. У него много чего за плечами»*. Но другой коллега четко формулирует принципы работы следователя и оперативника: *«Следователю не может ничего казаться, у него либо есть доказательства, подтверждающие его точное знание, либо их нет»* [11].

Заключение

Образ правоохранительных структур, который рисуют авторы криминального романа, совершенно не соотносится со словом «правоохранительные». Единственным «правом», которым руководствуются сотрудники полиции в реальности текста, является их право применять силу. Статус сотрудника МВД дает человеку право судить и карать своих сограждан по собственному

усмотрению. Право, не ограниченное никакими нормативными актами, – если закон не удобен «сотруднику», значит, он не обязателен к исполнению. «Право сильного» сотрудника милиции становится выше закона, выше социальных статусов. Это право МВД предоставляет на откуп любому, кто может за него заплатить или же входит в число «доверенных лиц». Если в 1998 г. мы можем наблюдать определенную конкуренцию на «рынке насилия», где разные группы ставят под сомнение монополию МВД, то к 2006 г. эта монополия утверждается. Именно в этот момент в текстах представление о правоохранительных структурах как о рынке утверждается и становится повсеместным.

В текстах связанных с министерством авторов мы видим тот же рынок, однако изнутри – сотрудники МВД используют ресурс по своему усмотрению и, в том числе, в своих личных интересах. Когда государство перестает быть для силового института источником легитимации, этот институт становится источником легитимации сам для себя. Имея силовой ресурс, он может навязывать свои корпоративные представления о законе и праве всем, кто таким источником не обладает. В криминальном романе правоохранительные структуры взяли на себя функцию государства, поставив себе задачу не допустить *«погружения общества во мрак»*. Ссылаясь на постоянный кризис и неэффективные законы, сотрудники МВД оправдывают и чрезвычайные меры по отношению к согражданам. Право на них объясняется и тем, что милиция – *«власть, которую совсем перестали уважать»*. Министерство становится синонимом государства и закона в ситуации, когда государство практически устранилось от организации общественной жизни. В 2013 г. насилие полицейского уже ограничено, но только лишь тем, что *«подозреваемый побежит жаловаться»*. В остальном его право определять, кто нарушил, а кто не нарушил закон, остается неоспоримым.

Можно предположить, что МВД стойко закрепило за собой ту роль, о которой писал в «Силовом предпринимательстве» Вадим Волков. В реальности криминального романа организованная сила становится не только основным ресурсом предпринимательства, но и гарантией социальной стабильности. Рассматриваемое в 1997 г. как один из участников в борьбе за «закон», за рынок силового ресурса, в 2006 г. ведомство становится монополистом. Альтернативные группы, обладающие ресурсом принуждения, вроде бизнес-структур, обязаны получать неформальную санкцию МВД на использование этого ресурса. При этом представление о министерстве как о крупном рынке ресурса, достаточно своеобразно распоряжающемся им, сохранилось в криминальном романе. Вполне гармоничен на этом фоне и образ сотрудника ведомства – никчемный и даже опасный как официальное лицо, крайне полезный и даже незаменимый при решении «проблем» в качестве друга или наемного сотрудника.

Именно через такие дружеские связи с МВД силовой ресурс поступает к социальным группам, позволяя влиять на взаимоотношения с государством. Именно эти «связи» могут уравновесить другой образ – «мента» как единственного носителя «законности», понимаемой как способность применять насилие. Таким образом, не может быть виноват тот, кого следователь или сотрудник уголовного розыска считает другом; не может быть невиновен человек, которого они считают виноватым. Оправдательный приговор в реальности следователя –

его профессиональная ошибка. Эти представления дополняются и преобладанием «здравого смысла» сотрудника милиции перед законом, на основе которого он и выносит, по сути, приговор тому или иному человеку.

Здесь кажется уместной аналогия реальности криминального романа с описанием процесса возникновения зон «естественного порядка» Л. Е. Бляхера [2]. Криминальный роман отчасти отразил этот процесс, мало того, создается впечатление, что, по версии его авторов, «спонтанный порядок» существует во многом благодаря МВД, успешно заполнившим нишу, освобожденную «законом». Пренебрежение, с которым относятся персонажи – сотрудники ведомства к «закону», говорит о том, что «закон», «право» воспринимаются как карнавал, пространство, в котором происходит общение с «морочком» [2], только здесь со стороны «морочка» выступает государство, с другой стороны – герои криминального романа, которые вступают в контакт с ним в основном через МВД. Единственной целью существования МВД в реальности текста последние 17 лет остается наказание.

Список литературы

1. Бушков А. Крючок для пираньи / А. Бушков. – СПб. : Нева, 1997. – 480 с.
2. Бляхер Л. Восточный поворот России. Возникновение и выживание естественного порядка в малых городах Дальнего Востока России / Л. Е. Бляхер. – Иркутск : Оттиск, 2013. – 111 с.
3. Волков В. Силовое предпринимательство [Электронный ресурс] / В. В. Волков // Социол. исслед. – 1999. – № 1. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/166/896/1217/00-2_volkov.pdf.
4. Ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. / Ван Т. Дейк. – М. : Либроком, 2013. – 344 с.
5. Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс. – Харьков : Гуманитар. центр, 2009. – 336 с.
6. Книгоиздание в России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой аналитический доклад [Электронный ресурс]. – М., 2009. – URL: <http://probooks.ru/sitearticles/1859>.
7. Книжное обозрение. – 2008. – № 10. – С. 8–10.
8. Кивинов А. Высокое напряжение / А. Кивинов. – СПб. : Нева, 2001. – 508 с.
9. Леонов Н. Беспредел / Н. Леонов. – М. : Эксмо, 1997. – 471 с.
10. Луман Н. Реальность масс-медиа / Н. Луман. – М. : Праксис, 2005. – 256 с.
11. Маринина А. Я умер вчера. В 2 т. / А. Маринина. – М. : Эксмо, 1998. – 883 с.
12. Маринина А. Чувство льда. В 2 т. / А. Маринина. – М. : Эксмо, 2006. – 321 с.
13. Маринина А. Бой тигров в долине. В 2 т. / А. Маринина. – М. : Эксмо, 2012. – 699 с.
14. Популярный юридический энциклопедический словарь / под ред. О. Кутафина, В. Туманова, И. Шмарова. – М. : Большая Рос. Энцикл., 2001. – 798 с.
15. Полякова Т. Строптивая мишень / Т. Полякова. – М. : Эксмо, 2000. – 336 с.
16. РБК рейтинг. Самые популярные книги в Москве за III квартал 2006 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2006/10/24/31227881>.
17. РБК рейтинг. Самые популярные книги в Москве за I квартал 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/10/24/31227881>.
18. Сухов В. Я – вор в законе / В. Я. Сухов. – М. : Эксмо, 1998. – 352 с.
19. Устинова Т. Отель последней надежды / Т. Устинова. – М. : Эксмо, 2010 – 352 с.
20. Устинова Т. Гений пустого места / Т. Устинова. – М. : Эксмо, 2006. – 411 с.

Masks of the Law. A Portrait of Law Enforcement Officer in Modern Russian Crime Novels

D. O. Timoshkin

*Laboratory of Historical and Political Demography
at Irkutsk State University, Irkutsk*

Abstract. Analysis of common public idea transformation of the executive authority in the Russian Federation reflected in Russian novels with large circulation from 1999 to 2013 (according to Russian Federal Agency of The Press and Mass Media) is provided. Crime novels are considered a means of identifying and studying the so-called “background knowledge”, i. e. popular ideas of people of norms, laws, country and themselves regarded as inherent elements of their everyday life. Since these books are intended to reach very wide audience, crime literature reflects (and constructs) simplified and generalized ideas of various groups on reality that are perceived by the readers as true to the fact just because they originated in the group that shares these stereotypes. Crime novels are likely to have significant influence on the audience, contributing to the propagation and formation of various ideas of social life what inevitably makes them a prospective source of analysis of common Russian social stereotypes. The executive provides a wide range of opportunities for the dialog of civil society and state authorities regulating social life with normative acts. In cases when state authorities fail to control social life, this prerogative may be overtaken by any groups or structures possessing power, including executive authorities. Analysis of general views on enforcement agencies reflected in the most popular literature genre during the period under study will help to understand the role of the agents of state authority in the post-Soviet society undergoing dramatic transformations during several time intervals and to see if these ideas change in the above mentioned historical period. Thus, this paper aims at describing the existing views on the State reflected in Russian crime novels and represented by law enforcement agencies and their officers, as well as the notion of “law”. “To serve the law” is the slogan of Ministry of Foreign Affairs. Moreover, the specificity of such kind of literature provides the grounds to compare the views of law and power both inside and outside the Ministry of Internal Affairs, since some authors have personal experience of working in law enforcement agencies.

Keywords: modern Russian crime novel, social stereotype, MIA, law, crime.

Тимошкин Дмитрий Олегович
*научный сотрудник, лаборатория
исторической и политической демографии
Иркутский государственный университет
664033 г. Иркутск ул. К. Маркса, 1-310
тел.: 8(3952)243875
e-mail: dmrtim@gmail.com*

Timoshkin Dmitrii Olegovich
*Research Analyst, Laboratory of Historical
and Political Demography
Irkutsk State University
1-310, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952) 521551
e-mail: dmrtim@gmail.com*